ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

12/2016 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12+

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

К.А. Юдин — От сталинской диктатуры к хрущёвской «модернизации» 3

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

П.А. Искендеров — Абдюль Фрашери 16

СООБЩЕНИЯ

М.А. Фельдман — Восприятие нэпа региональной элитой в конце 1923 г. 29

М.В. Оськин — Продовольственное снабжение русской армии накануне и после Февральской революции 1917 г. 40

С.Ю. Краснов — Опека по обычному праву у донских казаков во второй половине XIX в. 54

Т.А. Васина — Реформы 1860-х гг. на оружейном и железоделательном заводах Ижевска 68

В.А. Воропанов — Системы правосудия в областях Северного Приуралья в XVI—XVII вв. 81

ДИПЛОМАТИЯ В ИСТОРИИ

Ф.П. Ходеев — Мир 1940 г. с Финляндией как стратегическая ошибка 98

М. Гасымлы — Территориально-пограничные вопросы на Русско-турецкой конференции и в Московском договоре в 1921 г. 103

Выходит с 1926 года

ООО РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «ВОПРОСЫ ИСТОРИИ» МОСКВА

СТАТЬИ

УДК 94(47)084.9«1950/1960»/ББК 63.3(2)632

От сталинской диктатуры к хрущёвской «модернизации»

К.А. Юдин

Аннотация. Настоящая публикация посвящена институционально-политическим аспектам функционирования партийно-государственного аппарата СССР в 1950—1960-е годы. В ней сфокусировано внимание на проблеме идейно-организационной трансформации модели управления, запущенной процессами «десталинизации», инициированной Н.С. Хрущёвым. Автор анализирует взаимоотношения разных уровней власти (центра и региона), обращаясь к отдельным этапам многочисленных реорганизаций, оценивает результаты «модернизации» государственного аппарата, делая вывод о том, что на его структурный облик, эффективность реализации административных полномочий повлиял ведущий системный фактор, заключавшийся в изменении типов иррациональности. Произошел переход от энтропии как метода «контролируемого хаоса», практиковавшегося в годы сталинской диктатуры к аморфной институциональной эклектике, полностью отразившей характер и обусловленный им стиль управления нового лидера страны.

Ключевые слова: сталинская диктатура, модернизация государственного управления, партийно-политический контроль, десталинизация, центральная и региональная власть, Н.С. Хрущёв, энтропия, иррациональный авторитаризм.

Abstract. This work is devoted to institutional and political aspects of the functioning of the party-state apparatus of the USSR in 1950—1960-ies. It focused attention on the problem of ideological and organizational transformation of the governance model, the running process «destalinization» initiated by N.S. Khrushchev. The author analyzes the relationship between different levels of government (central and region), referring to the individual stages of numerous reorganizations, evaluates the results of «modernization» of the state apparatus. It was concluded that its structural appearance, the effectiveness of the implementation of the administrative authority, influence factor leading system, is to change the type of irrationality. There was a transition from the entropy as a method of «controlled chaos», practiced in the years of Stalin's dictatorship to amorphous institutional eclecticism fully reflect the nature and due to them the country's new leader management style.

Key words: Stalin's dictatorship, the modernization of public administration, the party-political control, de-Stalinization, the central and regional authorities, N.S. Khrushchev, entropy, irrational authoritarianism.

Юдин Кирилл Александрович — кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник НИИ интеллигентоведения Ивановского государственного университета. E-mail: kirill-yudin.hist@mail.ru.

Yudin Kirill A. — PhD, associate professor, senior researcher of the Research Institute on Intelligentsia Studies Ivanovo State University. E-mail: kirill-yudin.hist@mail.ru.

Начало 1950-х гг. без преувеличения можно рассматривать как один из самых значительных рубежей не только в истории советского государства, но и всего мирового сообщества. Со смертью в марте 1953 г. И.В. Сталина, находившегося у власти почти 30 лет, ушла целая эпоха, представлявшая собой особое, уникальное социокультурное измерение, внутренняя жизнь, ритмы и направление развития которого практически всецело зависели от убеждений одного человека.

Сила Сталина как лидера, а также жизнеспособность созданной им системы управления и контроля заключались в способе взаимоотношений со всеми ее элементами личностно-персонального и институционального порядка. Сталинский режим функционировал как неопатримониальная диктатура [1], некая «матрица» связей разного уровня и дистанции между центром (вождем) и локально-периферийными структурами — областными, краевыми, республиканскими партийными и советскими организациями, органами государственной безопасности, цензуры и т.п. Исполнительная активность этого разветвленного аппарата, готового реализовать даже самые абсурдные и жестокие директивы, как это было в годы «большого террора», во время послевоенных идеологических кампаний, приводилась в действие за счет психополитической манипуляции, включавшей два основных противоположных стимула:

1) Признавалось право на определенную порцию самостоятельности и даже откровенный произвол в «своей нише», предоставляемое руководителям того или иного ведомства. Типичный пример — поощряемая «сверху» инициатива начальников региональных управлений НКВД в установлении дополнительных «лимитов» на аресты «контрреволюционных элементов», причем некоторым сталинским ставленникам по причине субъективной, исходящей только от вождя благосклонности, предоставлялись долгосрочные полномочия. Достаточно вспомнить стабильность карьерного роста некоторых крупных партийных лидеров, например, первого секретаря ЦК компартии Азербайджана М.Д. Багирова, управлявшего своей «вотчиной» 20 лет, с 1933 по 1953 гг. [2], несмотря на борьбу с «местническими уклонами», «семейственностью и групповщиной», объявленных февральско-мартовском пленуме 1937 г. одними из самых опасных пороков партийной жизни, выступающих симптомом контрреволюционного поведения высшего типа — «фракционного оппортунизма» [3].

2) Генерировалась обстановка, которую можно обозначить как эффект турбулентности — перманентной военно-мобилизационной активности. Вся вертикаль власти, начиная от Политбюро и заканчивая рядовыми членами партии, существовала в напряженном «режиме ожидания» очередного непредсказуемого вмешательства вождя, которое могло моментально разрушить весь привычный личный, ведомственный «микроклимат». Именно «контролируемый хаос», целенаправленное распыление социальной энергии в нужном направлении посредством манипуляции информационными потоками [4], составляло сущность сталинской диктатуры, представляющей собой комбинацию антиномий — порядка и произвола, насилия и искреннего энтузиазма, истины и лжи.

Устранение «фактора Сталина», выступавшего главным звеном этой системы, открыло путь для долгожданной и в значительной степени своевременной модернизации. С самого момента ухода дикта-

тора из жизни его «наследники» предприняли ряд решительных шагов, предопределивших очертания послесталинской модели управления, основным методом построения которой стало целенаправленное уничтожение описанного выше «иррационального консерватизма», смягчение контрольно-репрессивного давления с общим курсом на возвращение к коллегиальности, воспринимаемой как защитный механизм от вождистского произвола. В марте 1953 г. был создан единый Президиум ЦК КПСС, что покончило с изоляцией В.М. Молотова, А.И. Микояна, пострадавших от последних нападок Сталина. Комитет государственной безопасности (КГБ), учрежденный через год, 13 марта 1954 г., отныне функционировал не как центральный орган государственного управления, а лишь как ведомство при Правительстве СССР. Это можно считать своеобразным финальным аккордом, расплатой за былое чрезмерное всемогущество, свертывание которого началось уже с марта 1953 г. в виде процесса реабилитаций — восстановления в партии, амнистии по персональным и «коллективным делам», ответственность за перегибы в проведении которых возлагалась на органы государственной безопасности. Так, 10 апреля 1953 г. Президиум ЦК КПСС одобрил мероприятия, проводимые МВД СССР по обнаружению преступных действий, совершенных Министерством госбезопасности, выражавшихся в «фабриковании фальсифицированных дел на честных людей», а также шаги по восстановлению «социалистической законности» [5].

Десталинизация — условный и наиболее распространенный в историографии термин, наряду с «оттепелью» характеризующий политические процессы в стране, включал в себя такую важную составляющую как создание системы «коллективной безопасности». Это предполагало устранение наиболее опасных элементов, «атавизмов вождизма» и носителей избыточных и не соответствующих новой обстановке властных амбиций, как в центре, так и на периферии. Главным аутсайдером стал Л.П. Берия, персональное и ведомственное влияние которого (в МВД и МГБ, а также в Совете Министров) воспринималось остальной «командой» — В.М. Молотовым, А.И. Микояном, Л.М. Кагановичем, Н.С. Хрущёвым, Н.А. Булганиным, К.Е. Ворошиловым и др. — как угроза для общей стабильности. «Вовремя мы его убрали, — заявил Ворошилов. — Надо полагать, товарищи, что этот субъект только авантюрист. Можно без особого труда себе представить, что по воле этого негодяя, если бы он дольше оставался на своем месте, в одно время могла бы исчезнуть вся верхушка правительства» [6]. Берия был нейтрализован политически, а затем и физически — по постановлению пленума от 7 июля 1953 г. «О преступных антипартийных и антигосударственных действиях Берия» [7], ставшего отправной точкой для репрессивных действий против лиц, объявленных членами «бериевской группировки», в которую были включены В.Н. Меркулов, В.Г. Деканозов, Б.З. Кобулов, С.А. Гоглидзе, П.Я. Мешик, Л.Е. Влодзимирский [8] — его основные ставленники-исполнители по линии госбезопасности.

Однако процесс искоренения любых проявлений вождизма начался гораздо раньше. Так, уже в начале июня 1953 г. был освобожден от занимаемой должности секретарь ЦК КП(б) УССР Л.Г. Мельников, который обвинялся в «грубом нарушении коллегиальности и коллективного руководства» за то, что «неправильно организовал работу бюро ЦК, зазнался, неправильно относился к руководящим кад-

рам, а также применял осужденные партией администрирование, грубость, окрики и *проявлял вождизм...*» [9] Не сумел оправдаться секретарь ЦК компартии Армении Арутинов, который на объединенном пленуме ЦК КП(б) Армении и Ереванского горкома КПСС 14—15 июля 1953 г. был дискредитирован с помощью стандартного инструментария — его упрекали в «зажиме самокритики», «слабом руководстве», троцкистских ошибках и формальной реакции на арест Берии [10]. Были сняты со своих постов Багиров, а затем слишком «засидевшиеся» на своих постах Я.Э. Калнберзин — в Латвии, Ж. Шаяхметов — в Казахстане, Б. Гафуров — в Таджикистане [11].

Существенной составляющей послесталинской политики следует считать тактику «либерального заигрывания», выразившуюся на первом этапе в «акциях примирения» с национальной интеллигенцией, а затем трансформировавшейся в целое административное направление по расширению полномочий местной партийно-советской номенклатуры. Весной-летом 1953 г. были осуществлены беспрецедентные, даже на декларативно-публичном уровне, уступки Украине, а также прибалтийским республикам, в частности, Латвии. В мае 1953 г. Президиум ЦК КПСС принял постановление «О политическом и хозяйственном состоянии западных областей Украинской ССР», в котором осуждались излишне репрессивные меры по отношению к «повстанческому подполью». Было заявлено о необходимости увеличения численности руководящих кадров из числа коренного населения, а также о прекращении дискриминации украинского языка [12]. 12 июня 1953 г. вышло аналогичное постановление Президиума ЦК КПСС «О национальной политике в Латвийской ССР», которое предписывало «покончить с извращениями советской национальной политики», активизировать «выращивание и широкое выдвижение латышских кадров на руководящую партийную, советскую и хозяйственную работу» [13], а также отменить делопроизводство во всех партийных, государственных и общественных организациях не на латышском языке. Несмотря на то, что данное постановление принадлежало к ряду так называемых «бериевских инициатив», сам факт его появления вызвал «националистическую эйфорию», приобретшую долговременные симптомы. Как вспоминал М. Ракоши, «министр внутренних дел, который сам говорил по-латышски через пень колоду, самолично разбил пишущую машинку с русской клавиатурой» [14].

В 1959 г. в докладной записке комиссии ЦК КПСС и КПК при ЦК КПСС в Секретариат ЦК КПСС «О недостатках работы с кадрами в Латвийской ССР» от 8 июня говорилось: «Проверка показала, что ЦК КП Латвии допускает серьезные нарушения ленинских принципов в подборе кадров. Нередко при выдвижении и перестановке кадров, прежде всего, принимаются во внимание не деловые и политические качества, а национальная принадлежность. Под предлогом выдвижения работников, знающих латышский и русский языки, проводится определенная линия на замену кадров нелатышской национальности латышами. При этом не учитывается, что в республике, кроме латышей, насчитывается 38 % русских, украинцев, белорусов и других национальностей» [15]. Далее приводились нелицеприятные факты, когда латышское «лобби» отказывалось вопреки установленным номенклатурно-политическим правилам утверждать в должности сек-

ретарей, не владевших латышским языком, что приводило к катастрофической текучке кадров и искусственной заморозке пополнения состава парторганизаций. Так, секретарь Рижского горкома партии Страуюмс заявлял, что «если подобранный работник не сумеет с ним объясниться на латышском языке, то такого человека не следует присылать к нему на беседу, горком не будет его утверждать» [16].

Причиной усиления «местнического своеволия» стала десакрализация власти. Хрущёв уже не мог действовать как Сталин, на смену иррациональным атакам пришло неустойчивое колебание между популистскими акциями «поощрения» региональной номенклатуры, приводящими к ее раскрепощению, росту уверенности в достаточной прочности своего статуса, и «реорганизаторским синдромом», связанным с ломкой привычных административных схем и структурного облика хозяйственных и партийно-советских учреждений. Причем реорганизации, сопровождавшиеся кадровыми рокировками, переставали восприниматься как проявление воли непогрешимого вождя, а вызывали неприятие и отторжение, стимулировали существовавшие и при Сталине механизмы самозащиты в виде выработки неформальных контрмер на региональном уровне, направленных на нейтрализацию авторитарного вмешательства.

Значительные уступки, сделанные в 1954—1957 гг. региональным органам управления, дали основание английскому исследователю Т. Ригби считать это важным фактором, повлиявшим на победу Хрущёва в борьбе за власть [17] и отстранение оппозиции — «антипартийной группы» Молотова, Маленкова, Кагановича, Шепилова. К числу первых «широких жестов» можно отнести восстановление полноправного статуса РСФСР. 27 февраля 1956 г. было создано бюро ЦК КПСС по РСФСР, тем самым, у России появился свой аппарат ЦК, как и у других союзных республик [18].

Еще ранее начался процесс материального и политического укрепления позиций региональной номенклатуры. В целях «оказания конкретной помощи и оперативного контроля за деятельностью обкомов, крайкомов и ЦК нацкомпартий» в мае 1954 г. отдел партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК ВКП(б) был разделен на два специализированных сектора внутрипартийного контроля: отдел партийных органов ЦК КПСС по союзным республикам и отдел партийных органов ЦК КПСС по РСФСР [19]. Именно эти структуры стали выполнять важную функцию посредника между центром и периферией, осуществлявшим мониторинг состояния номенклатурного корпуса: проблем кадровой динамики, финансового обеспечения, регистрацию проявления местной инициативы и степени обоснованности и допустимости поступавших предложений. Фактически, отдел партийных органов ЦК КПСС по РСФСР превратился в аналитический центр, занимавшийся подготовкой проектов постановлений ЦК, и обладавший солидными информационными ресурсами: «кроме республиканских секторов в отдел входили секторы профсоюзных и комсомольских организаций, подготовки и переподготовки кадров, организационно-уставных вопросов, единого партбилета, учета руководящих кадров» [20].

19 января 1954 г. Хрущёв подготовил записку в Президиум ЦК КПСС, в которой предлагал дать указания руководству обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий, чтобы «они в определенный срок изучили этот вопрос (о рационализации и повышении эффективности управ-

ления. — *К.Ю.*), вскрыли и раскритиковали недостатки, имевшиеся в их работе, разработали и внесли в ЦК КПСС и Совет Министров СССР предложения об упорядочении работы аппарата с тем, чтобы сделать его более оперативным, работоспособным, выполняющим свои непосредственные функции...» [21] На основании этой записки 25 января было принято постановление Президиума ЦК КПСС «О серьезных недостатках в работе партийного и государственного аппарата» [22].

Опираясь на эти директивные установки, в 1954—1959 гг. сотрудники отдела партийных органов ЦК КПСС Е.И. Громов, Д.В. Крупин, В.М. Чураев и другие разработали конкретные меры, заключавшиеся в отмене устаревших и не соответствовавших времени диспропорций в окладах между партийными и советскими работниками, упразднении централизованных административных процедур принятия решений и т.п. Многие из этих инициатив были одобрены. Так, постановлением Секретариата ЦК КПСС от 9 августа 1955 г. были расширены права региональных секретарей, которым передавалось право контролировать заказ, (высылку) бланков партийных документов без предварительного решения Секретариата, под ответственность первого секретаря. Были подтверждены полномочия местных парторганов самостоятельно решать вопросы о дислокации номенклатурных должностей партийных работников первичного звена в рамках общего штата и сметы. Райкомам и горкомам разрешалось выдавать партийные документы взамен утерянных [23]. Эти изменения по расширению прав региональных комитетов были закреплены на XX съезде КПСС в виде соответствующих «поправок», внесенных в Устав партии [24]. 21 марта 1956 г. было принято постановление ЦК об упразднении политорганов на железнодорожном транспорте, 12 апреля — в системе Министерства морского флота СССР, 5 июня — в милиции. 17 августа 1956 г. был ликвидирован институт парторгов ЦК КПСС на всех промышленных предприятиях, в научно-исследовательских учреждениях и т. д. [25].

В это же время, почувствовав «ветер перемен», некоторые партийные организации — Казахстана, Узбекистана, Таджикистана, Белоруссии, Грузии, Литвы — выступили с инициативами о продолжении модернизации государственного управления, которые были поддержаны постановлением Секретариата ЦК КПСС «О предоставлении ЦК компартий союзных республик права решения некоторых организационно-партийных и бюджетно-финансовых вопросов» от 2 августа 1957 года. В нем признавалось право республиканской власти утверждать штаты горкомов, райкомов и других подведомственных партийных учреждений; осуществлять внутрирегиональное районирование; контролировать выпуск местной периодической печати и систему партийного просвещения; устанавливать надбавки для работников сельских райкомов за счет командировочных расходов. Все эти привилегии, вместе с гарантией возможности переводить партийную документацию на национальные языки, а также поощрение «выращивания» молодых кадров с помощью «вербовки» внештатных инструкторов, были окончательно оформлены постановлением Секретариата ЦК КПСС, принятом 30 сентября 1958 г., «О дальнейшем расширении прав ЦК компартий союзных республик, крайкомов, обкомов, горкомов, райкомов партии и первичных парторганизаций в решении организационно-партийных и финансово-бюджетных вопросов» [26].

При этом, высшее партийное руководство вовсе не собиралось утрачивать реальный политический контроль над региональной номенклатурой, который по-прежнему оставался жестким. Во второй половине 1950-х — начале 1960-х гг. в синусоидальном ритме, с циклами интенсификации и «затишья», проводилась кампания по борьбе с «канцелярско-бюрократическим методом руководства», в ходе которой предполагалось решить две фундаментальные задачи: устранить реальные недостатки партийно-советского и хозяйственного аппарата, продуктивную деятельность которого парализовали ведомства с фиктивной административной нагрузкой и чрезмерный делопроизводственный оборот, а также — дисциплинировать местных управленцев, напомнить им о границах дозволенного.

Однако власть не смогла последовательно провести ни одной кампании, поскольку все предпринятые меры носили формально-аппаратный характер, не были серьезно подготовлены и обнажали нерешительность, отсутствие прежнего идеологического заряда вождистско-харизматического плана, недостаток которого компенсировался стихийным реорганизационным ажиотажем. В 1954—1955 гг. были смещены секретари Брянского, Ярославского, Вологодского обкомов, а также Карело-Финской ССР, что мотивировалось однако не «политическими ошибками», а низкой степенью работоспособности и реактивности в претворении решений сентябрьского 1954, а также январского и июльского 1955 гг. пленумов ЦК КПСС соответственно, посвященных сельскохозяйственным проблемам. При этом, абсурдность претензий к региональным лидерам была очевидной. Например, в январе 1954 г. в докладной записке утверждалось, что работники Ярославского областного управления сельского хозяйства просто физически не могли продемонстрировать нужную степень реактивности, ибо они за 1953 г. получили от Министерства сельского хозяйства СССР и РСФСР 6474 приказов, распоряжений, телеграмм и писем или по 21 директиве ежедневно. К тому же признавалось, что за 11 месяцев 1953 г. из Совета Министров СССР в центральные и местные организации было отправлено 134 594 бумаги и получено более 150 тыс., или ежедневно по 470 исходящих и 530 входящих единиц документации [27].

Тем самым, неэффективность реформ начала прослеживаться уже на первых этапах их реализации. В докладной записке отдела партийных органов ЦК КПСС по РСФСР, направленной в Секретариат ЦК КПСС по поводу проверки постановления ЦК КПСС от 25 января 1954 г. «О серьезных недостатках в работе партийного и государственного аппарата», датированной 29 декабря 1956 г., констатировалось, что, несмотря на проведенное сокращение, партийный и государственный аппараты продолжают оставаться громоздкими и многоступенчатыми: «В настоящее время в аппарате министерств и ведомств РСФСР, их органах на местах и аппарате местных советов насчитывается 555 073 работника, или на 15 650 человек больше, чем было на 1 января 1954 г.» [28].

Такая ситуация возникала в силу того, что региональные руководители не желали расставаться с дополнительными институциональными площадками, дававшими им возможность распределять по своему усмотрению материально-финансовые ресурсы. Кроме того, предложения по реформированию госаппарата, поступавшие с мест, носили лишь

декларативный характер, являя собой привычную приспособленческую реакцию на «сигнал», исходивший из центра, в виде презентации «программы действий» по сокращению штата, либо содержали «контртребования» по рационализации хозяйственных структур с учетом специфики региона. Например, на собраниях партийных активов городов Кинешмы, Иванова, Фурманова, прошедших по итогам XX съезда КПСС, вносились предложения о том, чтобы Министерство текстильной промышленности выделило специальные заводы для производства запасных частей к оборудованию, а также поднимались вопросы о необходимости модернизации старых отделочных фабрик в сторону их более узкой специализации, высказывались претензии по проблемам планирования, снабжения фабрик хлопком, штапельным волокном, и др. материалами [29]. Кроме того, в декабре 1955 г. Ивановский обком КПСС представил вариант рационализации управления, по которому предполагалось допустимым освободить по всей партийной организации, включая сельские РК, 261 ответственного работника с общим фондом месячной заработной платы на сумму 253 тыс. рублей [30].

В результате, к 1957 г. численность служащих госаппарата, в частности, по Литовской ССР, возросла в 3 раза, а в Латвийской ССР из общего числа в 1300 работников, освобожденных из административно-управленческого аппарата, 575 чел. вновь были устроены на работу в различные подразделения воссозданных после реорганизаций министерств и ведомств [31]. Поэтому данные ЦСУ о том, что с сентября 1945 по сентябрь 1956 г. государственный аппарат сократился на 52 132 чел. или на 7,6% [32] оказались иллюзорными, ибо процесс «сокращения» аннулировался практически параллельным и синхронным восстановлением прежней, выгодной местной номенклатуре, расстановки сил. В очередном «спецсообщении» отдела партийных органов ЦК КПСС от 23 сентября 1957 г. был вновь зафиксирован негативный баланс: несмотря на все приложенные усилия, в 574 горкомах и 420 городских райкомах партии насчитывалось 22 463 ответственных и 8053 технических работника или по сравнению с 1940 г. больше на 5450 и 1860 чел. соответственно [33].

В связи с этим Президиум ЦК КПСС утвердил предложения институтов внутрипартийного контроля о срочном сокращении аппаратов горкомов на 10—15%, тем самым, планировалось сэкономить 20 млн руб. в год на выплатах заработной платы «лишним» работникам. Однако это не привело к ощутимым изменениям, о чем свидетельствуют данные докладной записки сотрудников отдела партийных органов, составленной в июне 1961 года. За последние два года численность центрального аппарата министерств и ведомств СССР увеличилась на 1260 единиц, по союзным республикам цифры были еще более внушительными. На 4554 чел. вырос аппарат в РСФСР, на Украине — на 939, в Казахской ССР — на 1205. На 4—5 тыс. чел. увеличилась численность административно-управленческого персонала, занятого в снабженческо-сбытовых операциях, а штаты охраны предприятий достигли 1 млн 085 тыс. чел., что было на 170 тыс. больше [34]. Это сопровождалось общей консолидацией региональной номенклатуры, проявившейся в нарастающем организованном противодействии выдвижению новых кадров.

По состоянию на 1959 г. из 730 секретарей обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик в возрасте до 40 лет имелось толь-

ко 100 чел., а старше 50 — 144 чел. или 19,7%, в то время как в 1940 г. большинство партийных руководителей (56,9%) не достигали и 35-летнего возраста [35].

Не оправдала себя и реформа совнархозов. В докладной записке, датированной 20 июля 1957 г., председатель Совета Министров РСФСР М.А. Яснов сообщал о трудностях с их кадровым обеспечением, что обуславливалось банальными причинами — отсутствием материального стимула: должности начальников управлений СНХ оплачивались ниже, чем соответствующие по уровню ставки чисто хозяйственного профиля на предприятиях, что привело к тому, что совнархозы комплектовались малоквалифицированными специалистами [36]. Кроме того, из регионов поступали «сигналы» о сохранении громоздких управленческих схем. Так, секретарь Ивановского обкома КПСС Ф.Е. Титов констатировал, что работники совнархозов и его управлений очень слабо связаны с предприятиями, а реальная деятельность подменяется бюрократическим потоком: в первом полугодии 1957 г. кинешемская прядильная фабрика, принадлежавшая системе «Росглавтрикотажа», получила от него 580 различных приказов и распоряжений, а от совнархоза — 830 бумаг [37]. А чуть позже вскрылось, что назначенный председателем ивановского совнархоза Е.Т. Алексеев по своему усмотрению расходовал средства, предназначенные текстильным предприятиям для жилищного строительства. 600 тыс. руб. были потрачены на строительство 10 дач для руководящих работников совнархоза. Однако Алексеев и его заместитель А.И. Гайдай отделались достаточно мягкими наказаниями — полуформальными партийными взысканиями [38].

Это были одни из первых симптомов дальнейшего усиления местнического произвола, спровоцированного внутренней политикой Хрущёва, получившего возможность после обретения всей полноты формальной и реальной власти, устранения «антипартийной оппозиции» удовлетворить свою склонность к гигантомании, что нашло отражение в идейно-политических установках XXI съезда КПСС. На этом чрезвычайном «партийном форуме» и был принят семилетний план развития народного хозяйства, сложившийся на почве очередного обострения идеологических фантазий, связанных с публичным заявлением о построении социализма и необходимости ускоренного продвижения к следующей высшей фазе — «коммунистическому обществу». Борьба за «коммунизм» превратилась в новую экстремальную гонку за материальными показателями, одержимость экономикой, выполнение плана любой ценой. Партийные, советские и хозяйственные работники пошли на невероятные ухищрение для прикрытия так называемых «приписок» — фальсификаций масштабов якобы выполненных государственных обязательств по сдаче мяса, молока, другой сельскохозяйственной продукции.

Не ставя перед собой задачи детализировать обстоятельства преступных акций, сосредоточим внимание на поведенческой модели региональной номенклатуры. Она не просто не боялась наказания и разоблачения, но и оказывала откровенное противодействие центру. Так, когда в Рязанскую область прибыли сотрудники ЦСУ СССР для выяснения истинного положения дел, то наткнулись на серьезные препятствия. Начальник областного статуправления Строгов сообщил, что «он вызывается на совещание в обком партии, на котором

тов. Ларионов (секретарь обкома. — *К.Ю.*) заявил, что он не доволен приездом работников ЦСУ и поставит вопрос об отзыве их сегодня же обратно в Москву, поэтому товарищ Строгов рекомендовал им не приступать к проверке...». Кроме того, о том факте, что обком всячески препятствовал внутрипартийному, социально-экономическому мониторингу, сообщал председатель облисполкома Бобков, откровенно признававший, что «проверявших под разными предлогами выгоняли из области, выгнали работников Министерства финансов, ЦСУ» [39]. В Тюменской области в июне 1957 г. проверка, произведенная Комитетом партийного контроля при ЦК КПСС, выявила многочисленные «факты приписок и очковтирательства»: сотни тонн зерна оформлялись под сохранные расписки, хотя в действительности его в наличии не имелось. Несмотря на это, региональные лидеры демонстрировали полную невозмутимость и самоуверенность. В январе 1960 г. в Тюмени без разрешения правительственных органов началось строительство дворца спорта. На него были мобилизованы все материальные, финансовые и трудовые ресурсы, отвлеченные от других жилищно-хозяйственных объектов, строительство которых было полностью заморожено, а бюро обкома, даже после вмешательства партийных контролеров КПК, фактически, заняло выжидательную позицию, проигнорировав директиву о наказании виновных. Сам же секретарь Тюменского обкома Косов заявил на региональной партийной конференции: «Нам строительства дворца не разрешили, но, несмотря на запрет, мы будем его строить» [40].

Подобные демарши, неприкрытые «контратаки» против центра, фактически, нарушали сложившуюся институционально-политическую иерархию, повреждали механизм государственного управления, пришедший к концу правления Хрущёва к состоянию крайней дестабилизации. Местнический произвол достиг таких пределов, что были санкционированы практически чрезвычайные меры, связанные с ограничением правомочий местных партийных комитетов по контролю за деятельностью судебно-следственных органов, которые наталкивались на препятствия при возбуждении уголовных дел в отношении коммунистов, получавших своего рода «индульгенцию» в виде формального дисциплинарного взыскания по партийной линии, объявлявшимся «достаточным» наказанием со стороны парткомитетов. Таким образом, региональная номенклатура освобождала виновных лиц от реальной ответственности. Постановлением Президиума ЦК КПСС от 20 декабря 1962 г. отменялась процедура, действовавшая с декабря 1938 г. (Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О порядке согласования арестов» [41]) взаимодействия следственных органов с местными партийными организациями по поводу целесообразности ареста членов или кандидатов в члены КПСС, совершивших преступное деяние. Отныне предписывалось установить новый порядок, при котором арест, возбуждение уголовного дела и передача материалов в суд должны были производиться «в соответствии с законом на общих основаниях» [42].

Однако эпизодическое вмешательство центра не привело ни к каким существенным результатам, а напротив, было, фактически, аннулировано дальнейшими безрассудными действиями хрущёвской администрации, пошедшей на демонтаж той системы управления, которая выстраивалась в течение всего послевоенного времени. Очередной раскол, уничтожение цельности власти в ходе разделения в

ноябре 1962 г. партийных и советских органов по экономическому, производственно-отраслевому принципу (на промышленные и сельскохозяйственные), что мотивировалось усложнением инфраструктуры народного хозяйства и необходимостью выработки новых административных схем [43], привело к обострению политической напряженности на местах из-за искусственно навязанной необходимости перестраивать внутрикорпоративную иерархию, от конфигурации которой зависел доступ к материальным ресурсам как для личного обеспечения номенклатуры, так и для решения региональных хозяйственных вопросов. Наблюдалась общая, признаваемая в историографии [44], дезорганизация управления, еще более внушительная, по сравнению с предыдущим периодом, связанная с новой волной бюрократизма, медлительностью исполнения решения партийно-советских органов, парализованных новыми схемами соподчинения, возникшими между промышленными парткомами, совнархозами и сельскохозяйственными «эквивалентами» этих структур.

В докладных записках, резюмировавших «сигналы» с мест, а также в тексте персональных сообщений руководителей регионов, встречается информация о проблемах в госуправлении, становившихся типичным и распространенными после произведенной реформы. К их числу можно отнести: рост численности корпуса депутатов советских органов и увеличение расходов на их содержание, параллельность в работе хозяйственных структур, искусственное создание зональных парткомов, находившихся в отрыве от подчиненных им по идейно-политическому руководству промышленных предприятий, и т.п. Так, только по РСФСР в связи с реорганизацией советских органов и изменением правил формирования избирательных округов количество депутатов в местные советы выросло по сравнению с 1961 г. на 64 948 чел. [45], в результате исполкомам территориальных советов пришлось заново создавать актив, образовывать нештатные отделы. Укрупнение сельских районов, изменение подчиненности многих рабочих поселков привели к значительному отрыву населенных пунктов от райцентров. В ряде областей расстояние между ними достигало 200—250 км [46]. Первый секретарь Ставропольского промышленного крайкома КПСС Н.В. Босенко 23 ноября 1963 г. обратился в ЦК с просьбой о передаче всех промышленных предприятий в сферу его партийной структуры, мотивируя это возникшими сложностями с продовольственным снабжением, особенно — городов-курортов, а также планированием как объема той или иной продукции, так и ее ассортимента и контролем за качеством. Причина затруднений заключалась в возникшей диспропорции: большинство промышленных предприятий — мясо-, молокозаводов, а также предприятий угольной, химической и др. отраслей промышленности — оказались в ведении сельского крайкома, который, если использовать выражение самого Босенко, рассматривал доверенную ему инфраструктуру как «вотчину», управление которой подчинялось не государственным интересам и общественным потребностям, а осуществлялось иррационально и субъективно, на основе устанавливаемых местными хозяйственниками приоритетов [47]. Но после «убедительной» беседы, проведенной с Босенко сотрудником отдела партийных органов ЦК КПСС по промышленности и сельскому хозяйству РСФСР, тот свое пред-

ложение снял. Еще более радикально предлагал решить вопрос первый секретарь сельского обкома Читинской области А.И. Смирнов, который откровенно заявлял о необходимости восстановления единства и цельности управления из одной партийной организации, признавая вторую попросту излишней в силу местной специфики — преимущественного развития сельскохозяйственного производства по сравнению с промышленным [48].

Все это стало квинтэссенцией иррационального авторитаризма Хрущёва, показавшего всю бесперспективность «модернизации» государственного управления, лишенной какого-либо органического содержания и импульсов развития, и приведшей после обезвреживания «атавизмов сталинизма», его личных и институциональных носителей, лишь к бесперспективному механистическому конструированию. Делегирование полномочий и инициативы в регионы конвертировалось в произвол, центр терял реальный контроль, превращавшийся лишь в поверхностный мониторинг, не скрепленный, как в годы сталинской диктатуры, авторитетом сакрального порядка, позволявшим держать в повиновении партийную номенклатуру, находившуюся в состоянии «метафизического напряжения», исходившего от фигуры вождя.

В годы правления Хрущёва произошел переход от метода «контролируемого хаоса» — к аморфной институциональной эклектике. Это и предопределило закономерный и бесславный финал — отстранение Хрущёва от власти в октябре 1964 г., фактически, легализованное «снизу», что проявилось в ряде крупных антихрущёвских «восстаний» в Красноярске, Бийске, Новочеркасске, уроки которых были учтены в период «брежневского» умиротворения [49], начавшегося с ревизии всех сумбурных инициатив Хрущёва. Собственно, можно говорить о том, что именно в хрущёвский период была проведена своеобразная «микро перестройка», заключавшаяся в нарушении давно утвердившихся, предельно ритуализированных механизмов и информационно-политических традиций взаимоотношений между партийной номенклатурой, привыкшей, несмотря на известную долю самостоятельности на региональном уровне, в принятии ключевых решений повиноваться императивам, исходящим из центра. В силу этого, любой, даже минимальный отход от политики «силовой доминанты» и обращение к коллегиальности с элементами «гласности», поощрения «двоевластия», напоминающего самый ранний период становления советского государства, воспринимался на местах как симптом слабости верховной власти, ее политической неуверенности, что давало импульс саморазрушению системы «снизу».

Примечания

Статья подготовлена в рамках государственного задания Минобрнауки РФ на проведение научно-исследовательской работы № 33.526.2014/К «Российская интеллигенция и европейские интеллектуалы в изменяющейся социально-политической действительности XX — начала XXI в.: виртуальность и реальность».

1. ХЛЕВНЮК О.В., ГОРЛИЦКИЙ Й. Холодный мир. Сталин и завершение сталинской диктатуры. М. 2011, с. 8.
2. БАБЕРОВСКИ Й. Враг есть везде. Сталинизм на Кавказе. М. 2010, с. 757—795.
3. Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937. — Вопросы истории. 1995, № 11—12, с. 13.

4. МЕДУШЕВСКИЙ А.Н. Сталинизм как модель. Обозрение издательского проекта «РОССПЭН» «История сталинизма». — Вестник Европы. 2011, т. XXX, с. 147—167.
5. Реабилитация: Как это было: Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Т. 1. М. 2000, с. 23.
6. Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. М. 1999, с. 337.
7. Там же, с. 365.
8. Там же, с. 382.
9. Региональная политика Н.С. Хрущёва. ЦК КПСС и местные партийные комитеты. 1953—1964 гг. М. 2009, с. 30.
10. Там же, с. 38—40.
11. ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты. 1945—1953. М. 2004, с. 9.
12. Лаврентий Берия..., с. 46—49.
13. Региональная политика Н.С. Хрущёва..., с. 32.
14. «Людям свойственно ошибаться». Из воспоминаний М. Ракоши. — Исторический архив. 1998, № 3, с. 6.
15. Региональная политика Н.С. Хрущёва..., с. 224.
16. Там же, с. 225.
17. RIGBY T.H. Khrushchev and the Resuscitation of the Central Committee. In: RIGBY T.H. Political Elites in the USSR. Central leaders and Local Cadres from Lenin to Gorbachev. Aldershot. 1990, p. 156—161.
18. Региональная политика Н.С. Хрущёва..., с. 8.
19. Там же, с. 130—131.
20. СЕМИЧАСТНЫЙ В.Е. Беспокойное сердце. М. 2002, с. 98.
21. Региональная политика Н.С. Хрущёва..., с. 102.
22. Там же, с. 103—104.
23. Там же, с. 126—127.
24. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях, решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 9. М. 1986, с. 27.
25. Справочник партийного работника. Вып. 1. М. 1957, с. 405, 408—409, 429, 436—439.
26. Региональная политика Н.С. Хрущёва..., с. 127—130.
27. Там же, с. 93, 96.
28. Там же, с. 108—109.
29. Государственный архив Ивановской области (ГА ИО), ф. П-327, оп. 10, д. 80, л. 178.
30. Там же, д. 1201, л. 71.
31. Региональная политика Н.С. Хрущёва..., с. 115.
32. Там же, с. 112.
33. Там же, с. 120.
34. Там же, с. 422.
35. Там же, с. 160.
36. Там же, с. 174.
37. ГА ИО, ф. П-327, оп. 10, д. 697, л. 196.
38. Там же, л. 197.
39. Региональная политика Н.С. Хрущёва..., с. 269—270.
40. Там же, с. 335—337.
41. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственности власти. 1937—1938. М. 2004, с. 624.
42. Там же, с. 209—210.
43. ХРУЩЁВ Н.С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. Т. 7. М. 1963, с. 163—177.
44. ВЕДЕРНИКОВ А.В. Формирование региональных управленческих структур в СССР в 1953—1964 гг. — Вестник Московского государственного областного университета (МГОУ), серия «История и политические науки». 2014, № 4, с. 95—102.
45. Региональная политика Н.С. Хрущёва..., с. 504.
46. Там же, с. 507.
47. Там же, с. 512—513.
48. Там же, с. 521.
49. Выражение В.А. Козлова. См.: КОЗЛОВ В.А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущёве и Брежневе (1953 — начало 1980-х гг.). М. 2009, гл. 3.